

А. Х. ГОРФУНКЕЛЬ

«Пентатеугум» Андрея Белобоцкого
(Из истории польско-русских литературных связей)

Андрей Христофорович Белобоцкий, польский шляхтич на службе русских государей, появившийся в Москве в феврале 1681 г., сыграл немалую роль в истории русской культуры конца XVII в. Переводчик трактата Фомы Кемпийского «О последовании Христу» и «Краткой науки» Раймунда Люллия, он был автором весьма популярного оригинального философского сочинения «Великая наука Раймунда Люллия», «Риторики» и «Книги философской»; его «Краткая беседа милости со истиною» была опубликована в числе первых книг Петербургской типографии, а «Пентатеугум» («Пятикнижие») — пожалуй, наиболее значительный памятник русской поэзии в период от Симеона Полоцкого до Кантемира. На основании ряда косвенных данных нами было высказано предположение о тождестве поэта и философа Андрея Белобоцкого и известного по памятникам полемической литературы 80—90-х годов XVII в. «ересеучителя» Яна Белобоцкого.¹

Обнаруженные недавно в ЦГАДА новые документы позволяют существенно расширить круг наших сведений об этом писателе. 14 октября 1682 г. в Посольском приказе Андрей Белобоцкий «в допросе сказал: Породоу де он шляхтич Премышльского повету, отец ево Хриштоп Белобоцкой служил королевскому величеству в полковниках у рейтар, и тому ныне 26 лет отец ево умре. А маетности были у отца ево в Премышльском же повете деревня Пацла. И по смерти отца ево осталась мать ево Андреева да брат меньшей Павел. И вскоре по смерти отца ево и мать умре. А брат ево Павел служил в Варшаве в юристах.² А он де Андрей тому ныне 17 лет выехал ис Польши для научения философских и богословских наук, и был во Французской, во Италиянской, в Гишпанской землех, и тех наук выучился. И тому де ныне третьей год, приехал он из Гишпании в Ригу, а из Риги в Смоленск. А из Смоленска приехал к Москве с смоленским архиепископом Симеоном в прошлом во 189 [1681] году, в феврале месяце, и блаженныя памяти великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия, Малыя и Белья России самодержцу, известил об нем смоленской архи-

¹ А. Х. Горфункель. 1) Андрей Белобоцкий — поэт и философ конца XVII — начала XVIII в. — ТОДРА, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 188—213; 2) «Великая наука Раймунда Люллия» и ее читатели. — Сб. «XVIII век», т. 5. Л., 1962, стр. 336—348; 3) Неизвестное издание петровской эпохи. — Сб. «Книга», вып. 6. М., 1962, стр. 123—131.

² На полях: «что за делами ходят и приказны».

епископ. И по его, великого государя, имянному указу жил он у думного дьяка у Лукьяна Голосова с полгоды. А после того жил у протопопа Гавриила. И в прошлом, во 190 [1682] году, когда изволил блаженные памяти великий государь быти в своем государском походе в Володимере, и по его, великого государя, указу из римские веры помазал ево Андрея святым миром во святую православную христианскую веру греческого закона смоленской же митрополит Симеон, а в римской вере было ему, Андрею, имя Иван. И после того по имянному же указу блаженные памяти великого государя приказан был он, Андрей, боярину князю Михаилу Юрьевичу Долгорукова и написан в Разряде по дворянскому списку... А живет он, Андрей, ныне на Москве на дворе смоленского митрополита».³

Допрос состоялся в связи с подачей Белобоцким челобитной об увеличении жалованья. По имеющейся в деле помете, принадлежащей, по видимому, думному дьяку Е. И. Украинцову, велено было допросить челобитчика, «умеет ли он грамоте по-русски и иных которых языков умеет грамоте». «И против сей пометы Андрей Болобцкий сказал, что он грамоте и писать знает, и читает, и писать умеет по-италиянски, по-латине, по-французски и по-польски, также и по-русски читать и писать умеет», в подтверждение чего расписался по-русски, по-латыни, по-французски и по-итальянски.

Через два дня, 16 октября 1682 г., цари Иван и Петр, находившиеся в Троице-Сергиевом монастыре, «указали Андрея Белобоцкого ведать в Посольском приказе, и быть ему в переводчиках тех языков, о которых сказал, что умеет грамоте». В тот же день переводчики приказа Н. Спфарий, Л. Грос, С. Лаврецкий, С. Гладоловский, С. Чижинский и И. Тяшкгорский «свидетельствовали» Белобоцкого в знании иностранных языков, «говорили с ним по-латыне, по-польски, по-французски, а говоря с ним по свидетельству, сказали, что он, Андрей Белобоцкой, по-латине, по-польски, по-французски честь, и писать, и говорить, и переводить умеет и в Посольском приказе тех языков в переводчиках быть ему можно». Приведенный к крестному целованию, Белобоцкий был принят на службу, и по распоряжению князя В. В. Голицына в декабре 1682 г. ему было определено жалованье.⁴

Однако по неизвестным причинам в штате Посольского приказа Белобоцкий так и не состоял: уже в сентябре—ноябре 1683 г. в деле по челобитью переводчиков о выдаче им кормовых денег и годового жалованья имя его не упомянуто, и только в 1686 г. он был привлечен из Разряда для участия в великом посольстве Ф. И. Головина на Китайский рубеж.⁵

Итак, новые документы окончательно подтверждают предположение о том, что еретик Ян Белобоцкий и автор «Великой науки Раймунда Люлия» Андрей Белобоцкий — одно лицо. Нам не удалось проверить сообщаемые Белобоцким в допросе сведения о его происхождении. Отрывочные данные о нескольких ветвях рода шляхтичей Белобоцких—Белоблоцких, имеющиеся в справочниках Урусского и Окольского, ничего не сообщают о перемышльских Белобоцких—Яне (Андрее), его отце Хриштопе и брате Павле.⁶ Поэтому неясный намек в доносе Павла Негребецкого,

³ ЦГАДА, ф. 138, 1682 г., д. 20, лл. 298—305.

⁴ Там же, лл. 358—362.

⁵ ЦГАДА, ф. 138, 1683 г., д. 1.

⁶ Rodzina. Herbarz szlachty Polskiej. Opracowany przez Severina Hrabiego Uruskiego, t. I. Warszawa, 1904, str. 155—156; S. Okolski. Orbis Polonus, t. II. Cracoviae, 1643, str. 199.

ссылавшегося на «Литовские страны иеродиакона Мануила», «ниже его, Белободского, знает из малых лет, и чесо ради он нарицается Белободский»,⁷ требует дальнейших изысканий, невозможных без привлечения польских источников.

Очень важны сведения о 15-летнем (с 1665 по 1679 г.) пребывании Белободского в западноевропейских странах, подтверждаемые автобиографическими свидетельствами «Риторики»;⁸ особого внимания в связи с этим заслуживают упоминания о его учебе в «Валисольютинской академии», т. е. в Вальядолидском университете в Испании.

Но более подробное исследование биографии Белободского выходит за рамки настоящего сообщения, цель которого — ознакомить читателя с поэтическим творчеством Белободского — русского поэта.

«Пятикнижие» — «Пентатеугум, или пять книг кратких о четырех вещах последних, о суете и жизни человека» — главное из дошедших до нас поэтических сочинений Белободского, выдающийся памятник русской поэзии конца XVII в.

Источником первых четырех книг поэмы — «О смерти», «О страшном суде», «О гегене и муках вечных» и «Вечна блаженных слава» — послужили произведения немецких поэтов конца XVI — начала XVII в.: Матвея Радера «Погребальный плач» и «Страшный суд» и Иоганна Нисса «Вечные адские мучения» и «Вечная радость блаженных». Написанные латинскими стихами, эти четыре «оды» были весьма популярны и неоднократно переиздавались на протяжении всего XVII в., как отдельно, так и объединенные под общим названием «О четырех вещах, последующих жизнь человека».⁹

Немецкие стихи на эти же темы, принадлежавшие П. Франку, С. Бахаммеру, Х. Энгельбергеру, если и были знакомы А. Х. Белободскому (он хотя и не говорит в допросе о знании немецкого языка, но, судя по «Риторике», бывал в Бранденбурге и в «нижних немецких землях»), то не оказали на его творчество никакого влияния.

Поэтический перевод Белободского резко отличается от латинского оригинала Радера и Нисса. Белободский ввел рифму, отсутствующую в «одах» немецких поэтов. Он пытался приспособить свой перевод к русским условиям, перевода абстрактные, насыщенные мифологическими ассоциациями и совершенно лишенные конкретного, национального, земного колорита стихи Радера и Нисса не только на русский язык, но и на язык русской действительности.

И в этом он имел предшественника — польского поэта Зигмунта Брудецкого.

Зигмунт Брудецкий (1610—1647), преподаватель математики в Познанской иезуитской коллегии, приобрел известность хорошего знатока древнегреческого и древнееврейского языков. Но славу принесли ему не филологические занятия и не преподавательская деятельность, а обнаруженные после его смерти (он умер рано, 37 лет) в его бумагах и вскоре опубликованные стихи. Это были все те же «Четыре вещи последних» Радера и Нисса, переведенные молодым филологом на польский язык. На протяжении столетия после смерти переводчика они издавались четыре раза: в 1648, 1683, 1739 и 1742 гг.¹⁰

⁷ Д. Цветаев. Памятники к истории протестантизма в России. М., 1880, стр. 214.

⁸ А. Х. Горфункель. Андрей Белободский — поэт и философ..., стр. 196.

⁹ M. Raderus, I. Niess. Quatuor hominis ultima. Monachii, 1688.

¹⁰ Мы пользовались единственным в ленинградских библиотеках экземпляром без указания места и года издания: Cztery rzeczy człowieku Ostateczne. Od W. O. Mateusza Radera dwie, od W. O. Iana Niesiusza dwie, obudwu Societatis Iesu Kápłanow. Po łacinie

Католические поэты-латинисты XVII столетия не в силах были возродить ни «медь торжественной латыни» классической древности, ни пусть примитивную с точки зрения образованного филолога, но преисполненную искреннего чувства поэзию средневековых гимнов, таких, как «Dies irae» и «Stabat mater». Стихотворения Радера и Нисса — скорее книжные упражнения образованных филологов, благочестивые проповеди в стихах, чем подлинно лирические произведения. И дело не только в обилии мифологических образов, не только в холодной выспренной патетике, оборачивающейся пустой риторикой; дело в том, что все образы и предметы реального, земного мира, использованные для описания смерти, страшного суда, адских мучений, райского блаженства, оказались в их стихах начисто лишены конкретной, бытовой определенности, превратились в ничего не говорящие, выхолощенные, абстрактные символы.

В переводе Зигмунта Брудецкого мы встречаемся с совершенно новой системой поэтических образов. Связанные с земными ассоциациями, с бытовыми чертами и социальными конфликтами польской действительности XVII в., трагические раздумья о смерти и страшном суде, об аде и рае оказывались преисполненными подлинного, искреннего пафоса.

Разумеется, Брудецкий ни на шаг не отступил от религиозных идей и представлений, лежавших в основе переведенных им произведений. Он — верующий католик, не выходящий за рамки традиционного мирозерцания. Но стихи его — отнюдь не просто иллюстрация к богословским трактатам и проповедям (а именно в качестве подобных иллюстраций перепечатывались стихи Радера и Нисса в приложениях к изданиям сочинений Франсуа Костера). Используя привычную и знакомую всем современникам систему библейских образов, заимствуя евангельские выражения, он создал глубоко эмоциональное, самостоятельное произведение, значительно превосходящее по своим поэтическим достоинствам латинский оригинал. Образы польской природы, бытовые детали, современники — холопы и паны, ксендзы и шляхта — заполнили строфы поэмы, белый латинский стих сменился польским рифмованным силлабическим стихом.

Все это воспринял и развил дальше, применив уже к русскому языку и к русской действительности, Андрей Белобоцкий, создав свое «творение на русском диалекте». Так, используя традиционные сюжеты, всякий раз по-новому трактовали их иконописцы, — так на один и тот же средневековый текст создавали «Реквиемы» композиторы XVIII—XIX вв.

Связь «Пятикнижия» Белобоцкого с польским переводом Брудецкого прослеживается легко. Дело не только в частых полонизмах русского текста, легко объясняемых польским происхождением поэта; Белобоцкий использует образы и выражения стихов Брудецкого, отсутствующие в латинском оригинале (так, в 3-й строфе первой книги «dumy ptaszatek» Брудецкого Белобоцкий переводит «думы птиц, сладко поющих»; «жестоких царей» Нисса он вслед за польским поэтом — «Biádá Pánom!» — превращает в «господ жестоких» и т. д.). Вслед за Брудецким употребляет он и перекрестную рифму.

Однако, идя по пути, проложенному Брудецким, Белобоцкий не повторяет его; его перевод достаточно свободен и оригинален не только по отношению к латинскому, но и по отношению к польскому тексту. Белобоцкий, как мы уже отмечали,¹¹ широко использует в своей поэме русские реалии и отказывается от специфически польских деталей, имеющих

optakáne opisane. Rythmami: Polskiemu od X. Zygmunta Brudeckiego tegoż zakonu wyrażone; ср.: Polski słownik Biograficzny, t. III. Kraków, 1937, str. 4—5.

¹¹ А. Х. Горфункель. Андрей Белобоцкий — поэт и философ., стр. 205.

в тексте Брудецкого (например, 44-я строфа третьей книги — «Rownie Włochom jak Polakom», 49-я строфа третьей книги — «Lubo z Niemiec, lub Greckim», 6-я строфа четвертой книги — «Już i Tatrow ne stáie», и т. п.). В нужных ему случаях он обращается и к латинскому оригиналу и использует детали, отсутствующие в переводе Брудецкого. А еще чаще он создает свои, оригинальные образы, отсутствующие как в латинском, так и в польском тексте поэмы; такова «огненная лоза» в 3-й строфе второй книги, сравнение адского огня с огнем на железных заводах в 24-й строфе третьей книги и др.

Все сказанное в полной мере относится и к пятой книге «Пентатеугума» Белобоцкого. Ее источником, как теперь удалось установить, является поэма Якоба Бальде (1604—1668) «О суете мира», написанная на латинском и немецком языках и выдержавшая 15 изданий.¹² На польский язык она в XVII в. переводилась дважды: в 1547 г. был издан перевод Яна Либицкого, в 1682 г. — анонимный, возможно принадлежащий тому же Брудецкому.¹³ Нам не удалось установить, каким переводом пользовался Белобоцкий; из огромной (в 100 строф) поэмы Бальде он перевел только 30 строф.

«Пятикнижие» Андрея Белобоцкого публикуется нами по единственному пока известному списку, хранящемуся в Отделе рукописей ГИМ (собр. Уварова, № 472 (268), лл. 348—362 об., по старой пагинации — лл. 355—359 об.). В этой же рукописи конца XVII в. в 4-ю долю листа переписаны сочинения по риторике, в том числе и «Риторика» Белобоцкого. От предположения, что «Пентатеугум» переписан автором, нам приходится отказаться после ознакомления с автографами Белобоцкого в материалах Посольского приказа и с рукописью «Исповедания веры». Во всяком случае переписчик был хорошо знаком с творчеством Белобоцкого — его же рукой очень тщательно переписаны «Великая наука Раймунда Люллия» и «Риторика» в рукописи собр. Уварова № 18 (в 8-ю долю листа).

При передаче текста мы руководствовались принятыми правилами публикации памятников древнерусской литературы. Несомненные описки и ошибки оговорены в примечаниях, так же как и оставшиеся нерасшифрованными места; «ъ» сохранен в рифмующихся словах; при печатании текста сохранены имеющиеся в рукописи ударения.

¹² Jacobi Balde. De vanitate mundi. Monachii, 1638.

¹³ I. A. Zaluski. Bibliotheca poetarum polonorum, qui patrio sermone scripserunt. [Warsawiae, 1750], str. 1; Polski Słownik Biograficzny, t. III. Kraków, 1937, str. 4—5; Sen żywota ludzkiego, Wierszem Łacińskim przez W. O. Jakuba Balde . . . napisany, a przez Jana Libickiego Sekretarzá I. K. M. Rhythámí Polskíemi wyrażony. W Krakowie, w drukárni F. Cezárego, 1647.

ПЕНТАТЕУГУМ

или пять книг кратких творения Андрея Бялобоцкаго, о четырех вещах последних, о суете и жизни человека. Первая книга о смерти. Другая книга о страшном суде божиим. Третья книга о гегене и муках адских. Четвертая книга о вечней славе блаженных. Пятая книга о суете мира, нареченная Сон жизни человеческия

Первая книга о смерти

Творения Андрея Бялобоцкаго. Дума смертная

О смерти, горька ти есть, память человеку мирну,
во имени его живущу.

Иисус Сирах, глава 41¹

Песнь 1

О светлейше злата солнце, луно, чиста паче сребра,
Смерть блискую слышит сердце, мне умрети, вам жизнь добра.
Два светила в день и ноци, ваш век старости не знает.
Нам сон смерти лезет в очи, старых и молодых стращает.

2

Звезды на небе свѣтите, планеты кругом ходите,
Сестры Плеяды, простите, дождь нам в жарах посылайте.
Кастор и Полюкс, ваша милость явна по морю плывущим.
Нам не поможет звезд ясность, с кораблем жизни тонущим.

3

Луги, травки, цветки, рощи, поля, горы, винограды,
Земля и деревес овощи, огороды, лѣсы, сады,
Источники хрустальных вод, думы птиц сладко поющих,
Жизни нашей кончится год, простите умирающих.

4

Вся живуща, бог вам в помощь, и вы, животных начала,
Овладела мною немощь, смерть мя на он свет позвала.
Вся тварь под небесным кругом, в местах своих движимая,
А ныне во веки богом буди хранимая.

5

Смерть лютая, смерть горькая стрелу острит и лук тягнет.
Хощу, не хощу, сильная скоро мя к себе потягнет.
Ни прозьбою, ни гротьбою задить с нею не мощно,
Дар не емлет, но косою сечет, грабит безконечно.

6

Скоро в двѣри постучится, прощайся с своим животом.
Егда умрешь, престанешь ся друзьям нарицати братом.
Оле, в далекой путь идеши, а запасу тебе мало,
Деньги тамо не внесеши, одно дело ти остало.

¹ Книга премудрости Иисуса сына Сирахова, гл. 41, стих 1.

7

Лице, что воск растопится, яснее очи помрачают,
 Дух твой в горе затворится, язык, уста обнемлют.
 Спадет с лица краска, жилы крови ей лишатся,
 Обледѣшь, брате милый, егда тѣ Харон явится.

8

Тверда будет постель главѣ, мила, что соль кому в очи,
 Рекут друзья прежде в славѣ, ну, мертвече, в темне ноци.
 Днесь до лица земли челом всяк биет твоей милости,
 Утро ляжешь под полом, в сердце их неблагодарности.

9

Смрадом своим всех отгонишь, заткнув нос и уста себѣ.
 Приятства их не преклонишь, отвратяся рекут тебѣ:
 Прочь з палаты, ну, вон з двора, почто мертвѣца держати,
 Се изнил, хоронить поря, час ему в земли почивати.

л. 349

10

Едва з тебе дух изыдет, в темну могилу ты кинут.
 Плач и рыдание пойдет, жена и дети покинут.
 Схронивши тело в земли, вечная память пропѣвши,
 За обедом приближенни смеются, тебе забывши.

11

В гробе твоём вся гадина, черви, мыши с легушками,
 Жити будут, господине, караулить, змей с ужами.
 Каков двор твой и дворяне, роты, полки кругом тебе,
 Приготовуй им жалованье, дай в пищу самого себе.

12

Черно платие кручину, потужил год, сродник скинет.
 По себе справит отчину, жена за другого выдет.
 Душу твою поминати по церквям иным прикажут,
 И сами ся прохладати твоими добрами будут.

13

Не прошел год, твоя милость уже в прах ся обратила,
 Всяк спрашает, чья то кость лежит, едва не вся згнила.
 Тьмы в очах глубокия, мозг расплылся головою,
 Ребра изсохли голыя, попираются ногою.

14

Неизвестный день послѣдний, кто з нас об нем угадает.
 Стучит смерть, человек бѣдный горько жизнь свою кончает.
 Старых, младых без разбору, кто попадет, восхищает,
 Отобравши скипетр, царю просту палку в ружье дает.

15

Жил еси в палатах честных, в темней тюрьме поживеши.
 Заболит бок от стен тѣсных, смрадные чаши спиеши.

л. 349 об.

Бо́ярин крестіа́нину, ца́рь холо́пу ра́вни бу́дут,
Зла́тая риза́ в холсти́ну пре́менится, че́сти збу́дет.

16

Ко́му добра́ остану́тся по́сле тебе́, не вѣдаешь.
Кто́ на престо́л тво́й вса́дится, сын или стра́нный, не зна́ешь.
Се́ла, го́роды и крѣ́пости и стѣны́ паду́т каменне́,
Не остану́т то́кмо кости́ с плоти́ тебе́ обнаже́нне.

17

Сме́рть, яко та́тъ и разбо́йник, с ти́ха кра́дется до те́бе,
Вя́жет верѣ́вку с крѣ́пких лы́к, притя́гнет тя́ си́льно к себѣ́.
По́рчь смесі́вши, пи́ть ти́ дае́т, утробу́ ти́ пре́грызае́т,
Мысль, стра́х за́ сердце́ хватае́т, ду́шу с те́лом разлу́чае́т.

18

Лежи́ убо́ на се́м коврѣ́ не жди́ от на́с челобі́тня,
Яко́ в оча́х, в сердце́ ра́внѣ́ па́мять тво́я пре́менится́.
Все́ прі́ятство, вся́ка дру́жба, в гроб́ с тобо́ю поло́женна́.
Вла́сть господня́, рабо́в служба́ на ве́к ве́чный отло́женна́.

19

Мо́рщишь чело́, дуе́шь гу́бы, у́ши, пе́рсты затыка́ешь,
Косо́ смо́тришь, скреже́шь зу́бы, лице́ наза́д отвраща́ешь.
Вскуе́ харі́ не збраса́ешь, лице́ краси́шь, самолю́бче,
Или́ удо́б ты́ не зна́ешь, иже́ си́це адско́й му́це.

20

Мо́жет се́й день бы́ти коне́ц, а ты́ не ради́шь о себѣ́,
Добродѣ́тель все́му вѣ́нец, святы́м пригото́ван в небе́.
Мно́зи внеза́пу помро́ша, и днесь́ е́ще помира́ют,
Пе́рво солнца́ западо́ша, иже́ сто лет ожида́ют.

21

л. 350

Хо́щешь не устра́шиться сме́рти, бу́ди гото́в к бо́ю,
Бди́, сто́й крѣ́пко, не лѣ́нися, жди́ ея́ дне́м и но́чью,
Усмо́трена́ лекша́ ра́на, не вдру́г тебѣ́ сме́рть пре́глотит,
Сло́млет стре́лу ока́нна, ю́же в кро́ви тво́ей смочи́т.

22

Зме́ни всю́ тва́рь яко́ бла́то, творя́ любя́, а не грѣ́ши,
Отда́ждь за ме́дь чи́сте зла́то, стокра́тну́ мзду́ обрѣ́таеши́,
Охо́тно рабо́тай бо́гу, ма́ла ти́ бу́дет запла́та,
Егда́ ста́нет на поро́гу сме́рть, а ду́ша с те́ла взя́та.

23

Те́мных гробо́в влады́ице, могиля́нно жи́зни в разса́^а
Кто́ тя сла́вил, зме́нил лице́, сме́ртней вру́ченно́й прока́зѣ́.
Кто́ написа́л, кто́ слуша́ет, и кто́ чте́т, сме́рти к себѣ́ жде́т.
Все́х нога́ми попира́ет, все́х на́с, яко́ тра́ву, сме́рть жне́т.

^а Так в ркп.

Книга вторая. О страшном суде Божиим
Творения Андрея Белобоцкого

Близ день господень великий. Близ и скор зело.
Глас дне господня горек, иже стон учинися. Силен
день гнева, день мой, день скорбен и беден, день
безгодия и исчезения, день тьмы и мрака, день
облака и мглы, день трубы и клича.

Софония, глава 33²

Песнь 1

Сюды, сюды поспешайте, монархове мира сего.
Песней моих послушайте, власть чина церковнаго.
Цари, князи с боярами, вельможа купно с рабами,
Усопши и ту з нами, живущии изгнанцами.

2

Сердце дрожит, мысль ся мутит, язык слово пресквает,
Страх утробу мою мучит, дух ся в горле запирает,
Смехи, потехи, радости, прочь от мене побегайте,
Жилы ся рвут, сохнут кости, очи, слезы изливайте.

л 350 об.

3

Где посмотрю, везде гроза, страх, болесь, замешание,
Огненная стоит лоза, на грешных наказание.
Планиты, звезды погасли, солнце, луна помрачели,
Ветры вольны страшне стали, трусы пропасть сотворили.

4

Кипит море, камень дикий крушится, дивно пответ,
Крик, вопль и шум превеликий, и небесна твердь ся хвет.
Падет мир в гору ногами, претворился с городами,
Остаток згорет с нами, живущими мертвецами.

5

Молчание в мире стает, в пепел созженным до кола,
Ночь темна от моря встает, не звонят нам колокола.
Птица не поет, конь не ржет, лев и бык не рычат,
Пес, волк не выет, не ревет медведь, барашек не бечит.

6

Темных гробов владычица досель дань за умерших брала,
Всем живущим ненавистница, люто в мире царствовала.
З могил гробы, з гробов кости, выбрасала та богиня,
Ложна без всея милости сокращала нам жизни дни.

7

После того страшни трубы голос во уши наши входит,
Алт высокий и бас грубый по всей земли ся расходит.
Востайте на суд вси живии с усобшими, повешает.
Идет правый судий славы, ангел гробы отверзает.

² Книга пророка Софонии, гл 1, стихи 14—16 (в окп. ошибочно 33).

8

а. 357
 Ту чудеса страшно вельми начинають ся творити,
 Трус встаёт по всей землі, болѣсть учнёт находѣти.
 Носяще в чреве рождають в болѣстях чада неживе,
 Телѣ к костям присыхают, сны страшяють проказливе.

9

У одного лоб великий, рот страшный, назад скривлённый,
 Той ся родил, что зверь дикий, ов в чувствах несовершенный.
 Един лицем благобланный, звѣзды свѣтят в очах его.
 Другий яко солнце свѣтлый, не имеет подобнаго.

10

После врата отверзають и запоры небесныя,
 Стройне роты выступают на хоры пределённые.
 Хочешь число воинов знати, в одним полку сто тысящи,
 Богатырев сильных роты, святым Божиим в помощи.

11

Знамя несёт воинственно сам знаменщик именитый,
 Знаме честно и спасёное, на котóром бог розпятый.
 Рог его смѣрть убодли, побеждена умре сама,
 Ад стиснули, души ж извели, попра́н оными сатана.

12

Судий в гнѣве, ярости, на престол судный садится.
 Твёрдь небесна аки трости тресётся, земля потится.
 Осуждены места ищет, рад бы быти под землею,
 На очну ставку не хочет, пред прегнёвным судиею.

13

Но всем нужда, вси явятся в лице на сем смотрю страшным,
 Праведники становятся близ судии сердцем смѣлым.
 Во твердей ада пропасти дрожат духи проклятии,
 От Адамли плоти кости стоят внуки рождёнии.

14

Плоть трепещёт, сердце тлѣет, рвутся жи́лы, сохнут кости,
 Бог сыщиков посылает, розыскивать тайне зло́сти.
 Вся подробну разбирают, мысли, словеса и дела,
 Мзду такую воздают, како богу служба была.

15

а. 351 об.

Указ дани от безбожных праведники отлучати.
 Идет полк духов безплотных, всех судимых собирать.
 По указу скоро творят войны царя небеснаго,
 Одесную того ставят, а ошуюю друго́го.

16

Крик по горам, гром ходится, плач великой, рыдание.
 Всякой направо тиснетя, но трудно припущение.

В злѣтых ризѣх не пускают, кто в сермяги, той возванный,
Козлов смрадных отганяют, тихия емлют бараны.

17

Оле, зри лице страшное, одеяние лютое,
Доныне невиданное, мрака смертна страшнейшее.
Идут сынове щасливи, с радостию в жизнь вѣчную,
А отцове нещасливи идут во тьму кромешную.

18

Паки отец в небо идет, сына злаго во ад отдает.
Муж яко звезда яснеет, жена с козлы пребывает.
Противне жена с звѣздами, муж стоит между козлами,
Разводу с горькими слезами творится между супругами.

19

Сродник не причитается слavnым никогда сродником,
Брат с сестрою не делится отчинами вовек вѣком.
То же сестра слез братерных и сестр своих не слушает,
З слез по смерти проливаных смех и гнев святым бывает.

20

Видя роздел между собою, добрии и лукавии
Поклонятся пред судиею, к славе вѣчной избраннии,
Грехотворцы, увы, горе, горе, нам заревут.
Праведники пойдут в горе, внизу грешники останут.

21

Едва одно слово речет судия в гневе ярости —
От страха мир затрепещет, задрожит от жестокости.
Иулий царь мечем славний, с Юлианом розбачают
И свет в он день опасный, а грешники что дѣлают.

л. 352

22

Но судия обнадежит, святых своих в усумнении.
Слово ласкаво испустих о их вечном спасении.
К тому в небе показывает обещанным радости,
Которых им завидует послан в адский темности.

23

Посем влево посмотривши, на злых рабов непотребных,
Яко гром слово спустивши, творит указ о безбожных.
Черво^б земли отворися, пожри сердца каменные,
Юдоль пропасти стечитесь, идите в муки вѣчныя.

24

Аз алках, вы пировали, просил у вас милостыни,
Вы же ми отказывали, не дали хлеба крошины.
Но ваш голод отъмвнной был, людей, что хлеб, снесите цѣло,
Алчи вечно, кто тако жил, такова мзда, яко дѣло.

^б Испр.; в ркп. ошибочно Древо.

25

Чреву естé рабóтали, с брjохом хóдя, чтó с бочкою,
Нjищих слóвом отбывáли, обтягчáли рабóтою,
Ежé летjт, плывёт, ходjт, в брjохо ваше всё входjло.
Ужé постj чáс приходjт, чревó ся вáм вычjстило.

26

В пóтех, в жарáх, чтó в днj жáтвы просjл у вáс охоло́ды.
Не помнjли естé клятвы, не дáли ми кáпле воды.
Изсóхл во мнé язjк с бóлем, вы в медj, в винé плавáли,
Тём же сóхните с Танталём, емуже послjдовали.

27

Вы Бáхуса сjще внjки, чáши, кру́шки выпивáли,
Дjшком пjти ваша штjки, дáже бóчки пjсты стáли.
Жáждет Лázарь, не пóнте, сáми жáрку смóлу пейте.
Мóре пjти возжаждáете, в котлé жáрени бjдете.

л. 352 об.

28

Аз в морозáх нáго ходjл, дрожáх у вáс под окнáми,
Оде́жды на мj не положjл, никтó не покрьл шjбами.
Стjжа трéсла зjбы, кóсти, погрéтися не пу́стjли,
Смéх вáм бjсть з моёй нáгости, в леднjке бjдете жjли.

29

Вы плáтие сундукáми дéлали все́ми годáми,
Шубj, шубкj с соболя́ми, гроностáйны^а з огонькáми,
Рьсы́их, лисьjх, белjх мнóго, мнé нé дали и овчjны.
Дро́жите, ходjте нагó, не дáм вáм и рогозjны.

30

Седjх в тjорьме, глáвы моёй безвjнно врэзи искáша.
Сирóте по мóщи своёй пóмощи в сjде не дáша.
Ктó посéтил, ктó потjшил лютjй нарóд без милóсти
Пóйдут в тюрьмj, чáс приспjшил, не мjнут мук жестóкости.

31

Хвóры, скорбнj лежáх, гóрько печáль болéсть умножáла,
Не помóгла мj их рукá, рáн моjх не привязáла.
Пáл есмь, сjлы ми не стáло, всj отрекóшася менé,
Горj ж им, с душею тjло, лежjте вéчно в гегéне.

32

Не мóгл есj лекарствáми скóрби моёй облехчjти,
Мóжно бjло словесáми печáльнаго потjшjти.
Но тj мимó менé прешёл, óчи своj отвратjвши,
Идj, где фарисéй пошёл немилостjвой погjбши.

^а Так в ркп.

33

В мѣлких дѡмах ¹ равна ми честь, под крѡвлю не припушѣнный.
 В дѡм богáтой гость пришѣлецъ в шью з двора выбиѣнный.
 Не обретѡх где склонити главу мою, злá гра идѣт,
 Шахом небо хошѣшъ взяти, мѡт ти скѡро в áде бѣдет.

л. 353

34

Странных, бедных, утомленных с пути в твоѣ дѡм приходѣщих
 Изгнал еси посрамленных, мѣста у тебѣ просѣщих.
 Ты на мягкомъ пуховнику лежал, а они не спали.
 Полежишь в бѣдущемъ вѣку в áде, они в небе стали.

35

В áд, в áд и вы, прелестники, душ беззлыхных обманщики,
 Клевѣтники и ушники, хитрымъ сиронамъ сродники.
 Вы своими хитростями многихъ неба отлучили,
 Пропадайте с лукавствами, гиньте яко есте жили.

36

И вы, тати, разбойники, девичества разстлители,
 Малакейчики, блудники, чужыхъ добр грабители,
 Садитесь на ожги огненные в пѣчь горящу,
 Сломятся вамъ тамо роги, мир мой от скверны очищу.

37

Зборъ проклятой с кумирами, змеев, кошек с лягушками,
 С камением, с древесами, в пропасть со всеми чортами,
 Врази богу истинному, противники вѣрѣ его,
 К змею идите адскому, раби духа лукаваго.

38

И вы, правде противники, в церкви святей раскольники,
 В тихомъ мире бунтовщики, в мукахъ живите, во вѣки,
 Суща совесть вамъ являет, грехи ваши обличает,
 Суд истинна на васъ даѣт, на смерть вѣчну осуждаѣт.

39

О указе страшный, больный, ах ти, идут обвиненни,
 Идутъ тамо, где векъ вѣчный, живутъ в огненномъ пламени,
 Дышитъ едко ада окно, з громомъ пожаръ выпадаѣт,
 Тамо ему жити вѣчно, кто ся о грѣхахъ не каѣт.

л. 353 об.

40

О сихъ вещахъ поучаютъ письмомъ, слово, но безстрашни
 В ум свой того не внимают, слушаютъ яко бы басни.
 Ядят, пьют, грехи плодят, но в кратце по сей радости
 В мгнѣнии ока в ад исходят, в вѣчной гегенней темноти.

¹ Испр.; в ркп. дотах.

Книга третья. Творения Андрея Бялобоцкого
О гегене и муках вечных

Кто совестник вам яко огонь горит,
кто совестник вам, место вечное.

Исайя, глава 33³

Песнь 1

Розжмі, адэ, рот собачый, покажи страсти гегенны.
Цербэре, з нуры выскочи, троезубний псе б'ясенный.
Время злости мира сего явит и наказание,
Где человека гр'бшнаго з демоны обитание.

2

Вск'е перо не дв'ижется, м'ысль с'я боит, ум с'я мутит,
Муза п'омощи ленится, рук'а дрожит, яз'ык молчит.
По державе страх ходити Екады троеглавныя,
В тюрьма'х, в муках страх смотреть, жильцо'в гегенны в'чныя.

3

Под лавою в аде спрятан, изыде, Анокреоне,
Муки, им же еси предан, всему миру скажи явн'е.
Аще звязан и прикован, изыти к нам не можеша,
За грехи тако наказан, плачи сам, а нас не т'ши.

4

Ворота с'я отвера'ют, до неприступней крепости.
Т'му кромечную являют пропасть безденную страсти.
Печи и ледники, и к'рюки, аще бы у ворот не были,
Проклятием и безруки сам'и бы с'я затворили.

л. 354

5

У ворот гостей стречают ведьмы, ада сторожнице,
Людей, кот'орых ласкают, с телом и душею жраще.
Злату чашу т'и подают, но в чаше порчь растворена,
Прикусил к'то, хватают, садят в лодку Ахерона.

6

Т'у с'я гордость надымает, Купидин⁴ з лука стреляет,
Т'у с'я богач прохлаждает, гнев огнем с'я разжигает,
Т'у зависть сама гризется, рвется дружба лицемирна,
Сваволя в нечести см'ется, л'ожь отцу б'есу покорна.

7

Сила грабит, скупость с'я жмет, подай, кричит, бр'ух не сыты,
Резвость скачет, леность тл'вет, молчат от боязни шуты.
Упрямство стоит на ногах, ломлет закон и уставы,
Караулы при порогах, б'еси душам их приставы.

³ Книга пророка Исайи, гл. 33, стих 14.

⁴ Так в рпк.

8

Мегери стра́шне прока́зы с кимера́ми поскаку́ют,
 Ка́зни божия ука́зы осужде́нным показу́ют.
 О ели́цы о́браз кра́сний ли́ца бога наивы́шшаго
 В огонь бе́си броса́ют вѣ́чный челове́ка неща́стного.

9

Ржа́ве крѳки заскрипѳли, пеще́ри ся отве́рают.
 Все́ мерзостии зашумѳли, еже́ в про́пасть сплыва́ют.
 Яко́ небо дале́кое от зе́мли есть в вы́сокости,
 Та́ко ада́ глубо́кое окно́ к безде́нней про́пасти.

10

В се́й ро́в глубо́кой и темны́й грехотво́рцы изыдо́ша,
 И́же что скот невозде́ржний греха́ми ся упива́ша,
 В нечистостя́х, в греха́х зло́стях ле́жа без покая́ния,
 Сконча́хуся в неправостя́х лиши́лися спасе́ния.

л. 354 о.

11

Гре́ки и ри́мляне дре́вни, ба́сней ваших не сказа́йте.
 Пра́вдою живе́мы вѳрни, и́стинных де́л послу́шайте.
 Аще́ бы́х сто́ уст язы́ков имѳл и го́лос желе́зный,
 О́дныя му́ки человеков не мо́гл бы́м сказа́ть ужа́сни.

12

У поро́га хитри ста́ли о дву́х тела́х, семи́ глава́х,
 Зу́бы на нас заостри́ли стра́шне прока́зы в соста́вах.
 Палачо́ве стра́сти му́ки сме́рть лю́тую пове́щдают,
 Жгу́т огне́м, рву́т те́ло в шту́ки, му́чат, крича́т, убива́ют.

13

Шумя́т, гремя́т пыто́к збо́ры, вере́вки, це́пи, вери́ги,
 Кну́ты, пи́лы и то́поры, но́жи, мечи́, ко́ла, круги́и,
 Остре́ дре́ва, висельни́це, кипя́т ко́тлы, смо́лу лью́т,
 О́дны́х тя́гнут, рву́т по шту́ке, инны́х в водах пото́пляют.

14

О ужа́сна пре́мѳнности, бо́ль, пла́ч идет по ра́дости,
 Не оста́ло живо́й ко́сти от тя́жких му́к жесто́кости.
 Пе́рлы, зла́то их не кра́сит, слуѓ мно́жество отступило́,
 Богда́тый ся не возно́сит, ничто́же от поте́х мило́.

15

Цепоч́ка на шѳи ужи́, зме́й под горло́м ожере́лье,
 На спи́не грязны́х рого́жи, га́д разли́чный по все́м тѳльѳ.
 Чю́вства вельми́ змени́шася, от приро́дных добро́ты,
 Яко́ ° тве́рд мрамор ста́лися, ни до че́го весть охоты́.

16

Те́м же ско́ро их приста́вы мра́чнии при́имут в дво́р са́таны,
 Взгля́нет на ни́х бес лука́вый, стра́шным ли́цем загни́ваны.

л. 355

° В ркп. инициал Я пропущен.

Тогда́ стра́х, отча́йние, збежа́ть отту́ду не́ мощно.
В щёлы смóтрят, но тща́ние всу́е, ту́ им жи́ти вѣчно.

17

Окно́м з ямы́ скры́ выхо́дят, дно́ пучи́ны о́гненное,
Гре́мит стрельба́, пу́ле летя́т, шу́м, ды́м под небо́ самое,
А в про́пасти во́плъ престра́шный, пещеры́ ся выскри́ли,
С печи́ едны́ о́гнь ужа́сный, пожа́ри ся умно́жили.

18

О мо́й боже, ка́ко кипи́т в огню́ глубо́ка пучи́на.
В одно́ ме́сто жа́р ся ко́пит, се́ра, смола́, изве́сть, глина́.
Где́ ни по́йдешь, вездé то́шно, беда́, го́ре, сло́в не стаёт,
Вся́ описа́ть несть ми́ мощно́, в разу́м ся на́м не вмѣщаёт.

19

Что́ ся верти́шь, чего́ стои́шь, челове́че ока́йнный,
Про́звыбы к богу́ всу́е вно́сишь, уже́ еси́ осужде́нный,
Взгля́ни на низ́ окно́м себѣ́, отворе́нным в про́пасти,
Присмотри́ся, та́ жде́т тебѣ́ в преисподне́й глубо́кости.

20

Лети́ в до́л лбо́м, нечестивы́й, ле́ти, зако́нопреступче,
Не изыде́шь, доко́ль живи́й, отту́ду, иди́й, грешни́че.
Две́ри замко́м затворе́нныи, не избежи́шь, не вы́лезешь,
Клю́чи в мо́ре суть бро́шенныи, тюрмы́ зубы́ не прегрызе́шь.

21

Ели́це зла́ з о́блак го́рных землѣ́ мо́жет ся случи́ти,
Или́ от пото́пов во́дных бе́д, убы́тков умно́жити,
Неприме́рно вѣще́ того́ исполнѣ́тся а́д бѣ́дами,
Вся́ изы́дут на грѣ́шнаго челове́ка з дѣ́монами.

22

л. 355 об.

Те́мна, ве́чна но́чь востаёт, солнце́ з да́лека обхо́дит,
Тума́н мра́чный а́д сполня́ет, ды́м в оча́х бо́лести роди́т.
Прокáз стра́шных умно́жится, жи́льцы́ у́бо подземни́и
Са́ми в мра́к, в ды́м претворя́тся, вси́ в аде́ заключе́нни.

23

Аще́ огня́ мно́го зѣло́, круго́м горшко́в под котла́ми,
Не све́тит та́мо нимáло, то́кмо жре́т те́ло с душа́ми.
Пожáр вели́к, аще́ лѣ́су ску́дость, са́ми тюремщи́ки
За дрóва себе́ даю́т бѣ́су, горя́т во а́де во́вѣки.

24

Кий́ кипари́с, санда́л черны́й, тако́вой пла́мень воздаёт,
На заво́дах та́ко стра́шный желе́зных о́гнь не бывáет.
Кладу́т в сто́пы ле́с живу́щий, дре́во на́ древо па́дает,
Горя́т ве́чно, а горя́щий в পে́лел ся не превра́щает.

25

Смущающим бесом радость в аде мучимых сорити.
 Всяк соседу творит пакость, не могут на ся смотрити,
 Рвут ся, дерут и кусают, ранами ся уязвляют,
 Беси з угла поглядуют, з драки ся их улыбают.

26

Мимо рота Танталови плывут яблока алчнему,
 Труд напрасной Сизифови, в гору камень движущему.
 Корш одному сердце клюёт, змей глотает. Прочь с баснями.
 Поарон * кто ту не имбет, мала вещь между муками.

27

Иже бывши христиане, не жили благочестивнѣ,
 Но по делам, бисурмане, не служили Христу вѣрнѣ.
 Очистившеся тайнами пресвятыми, согрѣшили,
 Стязаются ту язвами, яко в жизни заслужили.

28

Славный богач в письме святых, ежедневно пируючи,
 Псов кормит под столом своим, алчет, Лазаря крошек ждущи.
 Сей вельможа ныне просит в жажде своей капле воды,
 Огонь утробу его сушит, не дадут ему охолоды.

л. 356

29

Язык яко пс высунул, назад в рот втянуть не может.
 Э ада кто когда выплынул, вечно в муках изнеможет.
 Иглою не заколеси в тело, где бы боль не мучил,
 Жылки здравыя не изыщеша, кости и волосы змякчил.

30

Светло светяще искрами алмазными очи наше,
 Катящиеся кружечками, всех зерн земчужных чистыше.
 Место красных кринов, цвѣтков и лица благолѣпнаго,
 Увидят адских арапов царствия преисподнаго.

31

Ушам гроза от львов рыка, от всех сторон изданнаго.
 Ревет медведь. Та музыка не тешит осужденнаго.
 Комедия Орфеуса уже ся в аде скончали.
 Потешники злаго бѣса в свои суремки заграли.

32

В рот им лиют место вина кисель дехтяной довольно,
 В горле гнездится гадина, ужом ходить вездѣ вольно.
 Порчь сподобие подливка на их преславней пирушке.
 Черво мышей им закуска, черви, пауки, легушки.

* Так в ркп.

33

Роздуло нос нюхание смрада от стёрва гнилаго,
Занялся дыхание, воздух заразился с него.
Что балсамы прегрѣшили, масла, духи благовоние,
Сѣра, смола исправили, розжигание угленне.

34

л. 356 об.

Мѣсто о́дра слоно́ваго престра́шна кузницá данá,
В́нята с тѣла грѣ́шнаго, на нём душа прив́язана.
Не в три плѣти ту стяга́ют, но сто лома́т молота́ми,
Би́ющ и битый уста́ют, о́ба му́чатся бѣ́дами.

35

Зб́итень с тельным в пра́су кладу́т, котлы́ и з смо́лою кипѣ́ют,
Огня́, жа́ру прибавля́ют, тѣлеса с душа́ми варя́т.
Рожно́в мно́го и сковоро́д, ба́нь, печѣ́й розже́нных,
Бри́тов острѣ́х, кипя́щих во́д, жи́р плывѣ́т, что з ла́вок мясных.

36

Та́ко збитыи сто́лчени, зрѣ́зани и розру́блени,
В своём жиру́ выпраже́нни, во аде́ лежа́т осужде́нни.
О са́н тя́жкой живо́ зже́нных мертве́цов неизрече́нно,
Па́ки живу́т в му́ках вѣ́чных, гловня́м гаснуть запреще́нно.

37

Слышите́ ли беззаконни, ве́даю, и́же слы́шите,
Оба́че же ока́йни, в гря́зи грехо́вней лежи́те.
Па́че оби́ду творите, землѣ́ и небу са́мому,
По зе́мли в греха́х ходи́те, недру́зья ва́с спаса́вшему.

38

Го́ре руце́м кризмова́ным, плешáм на гла́ве стриже́нным,
В чы́н свяще́нско́й посвеще́нным, но на душе́ своей скве́рным.
Жѣ́ртвы бо́гу безкро́вныя в греха́х сме́ртных принося́щим,
Са́ми же́ртвы бѣ́совския, в да́р по́слуются в аде́ сущим.

39

л. 357

Го́ре господа́м жесто́ким, ра́б своих утесня́ющим,
Насле́дием недово́льным, зе́млю к землѣ́ прибавля́ющим,
Вси в ге́гене му́чими, в одной то́чке умѣ́стятся,
Аще́ в ми́ру умно́женни, песку́ морску́ уравни́тся.

40

Го́ре осудчи́ком вла́сти, царѣ́й, чинов предложе́нных,
Непоко́рным в вы́сшей че́сти правителе́м де́л домаш́ных.
Вло́жит на них це́пь тяжкую́ Промофе́й кре́пко сковáвши,
Буду́т покóрни ну́ждою си́льному в ге́гене ба́ши.

41

Го́ре гладки́м лица́м женски́м, душа́м, сердца́м, наде́жам,
Гордя́щимся, я́ко павли́н хвóстом, в прельще́ние мужа́м.

В крѣслах ѳгненных их милость сѣдет, слуги кругом станут,
Ради служить во всю вѣчность, огнѣм гаснути не дадут.

42

Горе красиком, щепетком, кудрявчиком и чупринком,
Стави ногом, верти пядком, поколенным кафтанчиком,
Кудерки их и чупрунки станут с болем колтунами,
Пламень от них смрад великий, згорѣют з ними и сами.

43

Горе скупым, денег своих затворником, караулом,
Всяких земель поднебесных Еуклеона внуком, сыном,
Морща челом, нос, ус тягнут, егда нищий деньги просит,
Беси от них не отстанут, чим кто грешит, казнь отбосит.

44

Горе ночным нетопырем, за блудом плоти ходящим,
Содомишником, малакием, блудником розтлевающим,
На огненной всей кровати положат их растягнувши,
Брюх справляти, ламать кости, к лаве адскей притиснувши.

45

Горе рукам, вездѣ лгнущим, в чужих добрах увязанным,
Татям, волю им дающим, обидами исполненным.
В щоте тати у палача, разне пытки на них в аде,
Не будет им ту удача, штуки их тайне наяве.

46

Горе тельцом воспитаным, толстым брюхом розвязанным,
Цѣлым быком ненаканным, душком пити приученым.
Калом и блевотинами пса адскаго накормятся,
Горящей серы рѣсками поневоли напоятся.

л. 357 об.

47

Горе злобным изменщиком, бунтовщиком и ссорщиком,
Насильником, обидником и бездушным ябедником.
Егда в зубы попадутся лютым ведьмам преисподним,
В крови их ад погрузится, тошно, горько будет бѣдным.

48

Горе злых вер заводчиком, еретиком, раскольником,
Веры святяты отступником, церкви божия смутником,
Како здесь новья веры вщинают, сеют и учат,
Тако их люто без мѣры новыми страстями замучат.

49

Горе идолопоклонником, в немых богов верующим,
Сатанинским угодником, жертвы твари приносящим,
Ту увидят богов дома, которым ся поклоняли,
Ту Иовиша, стрѣлы, громы ожогѣ skipетром сталя.

50

Гóре всём, не послушáвшим заповéдей, богом данých,
Спасéния не искавшим, тóкмо прохлáдов врéмянных,
Уже, уже написано, ука́з в гегéне т́и б́йти,
Не на час, вéчно скáзано, в огню негас́имом ж́йти.

51

Земля́ тебе́ не посóбит, небо́ не да́ст т́и пóмощи,
Ѓинь, пропада́й, боѓ тя суд́ит, в гегéне не́сть грéшным прóщи.
Связáн еси́ осужд́енный, надежда́ ты́ отступ́ила,
Вéчность, вéчность без преме́ны в гегéне ты́ затвор́ила.

л. 358

Книга четвертая. Творения Андрея Бялобоцкого

Песнь 4. Вечна блаженных слава

Око не виде и ум не слыша, и на сердце человеку
не взыде яже уготова бог любящим его.

I Коринфом, глава 2⁴

1

Вскýю ещё́ уныва́ешь, в сухих кóстех хранили́ще,
Чесó ра́ди воздыхáешь в темнóм смерти пристáнище.
Где́ ся бóрют, колеба́ют смерти ж́изнь в бе́дах преме́ннѣ,
А наде́жных з но́г збива́ют на своё́ щáстие буйнѣ.

2

Не сто́й, глúпче, забав́ися бесéдою со зв́здами.
А мы́слию посп́вх́ися к небу́ с сво́ими нúждами.
К двору́ вéчных ра́дости, свéтлому неизрече́нно,
К обите́ли щáстливости, всём ра́достям неприм́вно.

3

Взгля́ни се́, воззри тый, пра́вит Боот в звездéчном наместѣ́.
Полю́кс и бра́т Ка́стор сто́ит, се́дъм се́стр Плеа́д в одном мѣстѣ́.
Се Ориóн мéч явля́ет, стреле́ц с лу́ком выступáет,
Звезда́ звездú настига́ет, свéтла доро́га их стаéт.

4

В́идь Аркту́ра на полно́чи, присмотр́ися ту́ Диáннѣ,
Пределáют дни́ от но́чи, Фóсфор и Еспéр пред́ивнѣ.
Зде́сь Еркулэ́с побежда́ет, хитру́ Скорпи́а лю́таго.
Волна́ злата́ ту́ яснѣ́ет, взя́та с царства́ Колхицкаго.

5

л. 358 об.

Душе́ мо́я, воздв́ижися, оста́ви земл́и н́зкости.
Вста́то, скóро вознесися́ к вы́щней м́ра вы́сокости.
Вы́шше óблак и аера́, ста́нь в сре́дине крúга́ неба,
Где́ ся конч́ит по́яс м́ра, та́мо спеш́ити потре́ба.

⁴ I послание к коринфянам, гл. 2, стих 9.

6

Правда, или прельщаяся уже в гору аз восхожу.
 Горы, города скрываются, едва стен их внизу вижу.
 Храмы, столпы высокие о чем моим не кажутся,
 Прошайте, жильцы земные, вся под мною оставшаяся.

7

О колище рад есмь тебе, отчизна моя любимая,
 Держи, мире, дары себя, мне та мила Украина.
 Кто язык мой словом наставит тебя славить,
 Благо ми в щастии моем, благо в небе вечно житьи.

8

Христа преславный ключаре, прошу, двери отвори ми,
 Апостоле святой Петре, гостя к тебе в небо прийми.
 Поведи мя где желаю, по улицам златом сланных,
 Да в полатах царских стану, без трудов никому даных.

9

Слава богу, отверзают двери на столпах жемчужных.
 В двор кедровой припускают в вечном жилище блаженных.
 Сел прекрасных великости, оком пресмотрить не могу,
 Всюю убо от радости, живет душа моя богу.

10

Оле, чудо великое, чудо несповедное,
 Основание златое, в стенах злато избранное,
 Врата, крюки и запоры, замки, злато само суще,
 Златые площади и дворы, переулки, и улице, и гульбище.

11

Ту иапис, сафир, халкидон, змарагд, сардоник, сардиос,
 Хрисолит, биримос, топазион, иакинф, амефист, хрисопрасос. л. 359
 Что^а в глубине рек индейских родится многоцвнного,
 В источниках вод небесных всех морских больше того и лучшаго.

12

На огненных конях солнце, в златом вóзе луна ездит,
 И с рогами луны лице того места не наследит,
 Агнец божий просвещает, сам собою место тоё,
 Свет от лица испущает, солнце неба предвечное.

13

Мрака тамо не бывало, ниже ночи и темности,
 Светило ся не скрывало, полно от агнца свѣтлости,
 Вѣтры шумов не творили, снегов же, градов и дождей,
 Облаки не испустили вредливых с себе ненастей.

^а Испр; в ркп. Кто

14

Стóлько солнцов с корéтами с златýми тó увиди́ши.
 Ско́лько князéй тысящáми мнóгими в небе сочтéши.
 Стóлько дворя́н, полководцо́в царств́ия преблáженнаго,
 Ско́лько жильцо́в и пришéльцов гра́да непобеди́маго.

15

Слáвлю тя́, поклáняюся, благодáрю, величаю,
 Троице́ святая, рáдуйся, ра́б тво́й, тебе́ поздравляю.
 Еди́н боже в трéх персонáх, вéчной престол тво́й чéсть, слáва.
 Всéх вселéнных сторо́нах и во мнé твоя́ державá.

16

Рáдуйся и ты́, одесну́ю троицы́ святýга седя́ща,
 Жы́знь нáм родив́ша вéчную, мáти дево прýсноуща.
 Ты́ бывáешь помощн́ица всем притека́ющим к тебе, о владычице,
 Пóмощию (и áз) в раю́ вéчным.

17

л. 359 об.

Сто́й тó же херув́имы, на нíz крýла опуска́ют,
 Купно́ с ними́ сераф́ими пéснь святу́ю воспéвають,
 Свят, свят, господь бог Савао́ф, глас сéй небо исполня́ет,
 Свят господь бог нáш Савао́ф, земл́я небу возглашáет.

18

Ошóу предтеча с'́дит, ядая́ мéд и акр́иды,
 Лéгка е́му власенн́ица, юже носил́ бога рáди.
 Гла́ву" под мéч наклонéнну нечест́иваго тетрáрха
 Пря́мо дёржит возвыш́ену над всёго м́ра мона́рхи.

19

Тó же сéдят и отцове, долгоднёвне пожив́ши,
 Святии патриáрхове, Моисéй проро́к и прóтчие.
 Авра́м, сына́ в жéртву богу по ука́зу принося́щий,
 Сто́ит возлé его́ бо́ку сын, мечá ся́ не боя́щий.

20

Пóсле отцов ря́дом до́лгим вся́к по своéй досто́йности.
 Седя́т на мéсте высоќим проро́ки в вéчной рáдости.
 Давы́д, держá лютню́, граёт, всéх проро́ков весéлия,
 Верста́тися с ним не дерзает́ лютня́ слáвнаго Орф́ия.

21

Синкл́ит царя́ небесна́го, в крéслах седя́т апосто́лы,
 Пра́вители м́ра сегó, близже́ Христа́ их престóлы,
 Трубы́ б́ша спасéния, учителя́ явил́ся,
 Сла́ва их без сконч́еная, весь м́р ими́ просв́тил́ся.

" Испр.; в ркп. ошибочно Славу.

22

Что возвѣщу о столицы победоносцовъ Христовыхъ.
 Ликують тѹ мученицы, смеються с убійцовъ своихъ.
 Побѣды своєю знамение дѣржатъ в рукахъ разлічній зборъ,
 Крѣст, мѣч, лукъ, огонь, камене, веріги, копиѣ, топоръ.

Книга пятая. Сон жизни человека или суета л. 360
 Творения Андрея Белобоцкаго на русском диалекте

Неразумиву мужеви тщи и лжи суть надежди, и сония
 вперяютъ безумия: якоже емляй ся за стен и гоняй ветры,
 также емляй веру сном, сне на сне сон узрения;
 прямо лицу подобие лица.

Иисус Сирах, глава 44⁵

1

Былъ некогда градъ преславный Троя, Илиомъ реченный.
 Былъ дарданский народъ древный, в мире великоименный.
 Днесь лютей Марча бой, пашню на стенахъ зделали.
 Где была столица Трой, землю хлебомъ^к засѣяли.

2

Тако еже чаемъ вѣчно бѣти и в другія прменяетъ.
 Вѣк и случай злый вседневно вся в мире семъ превращаетъ.
 К тому концу нешибно всяке вѣщи поспешаютъ,
 Боря ся междуособно прменно ся побеждаютъ,

3

Вся твари естество намъ сию правду объявляетъ.
 Оттого рыкъ страшный лвамъ множицею припадаетъ.
 Ревутъ медведе, псы лаютъ, кричатъ волы, вресчатъ слоны,
 Ржутъ лошади, волки выютъ, вся знаютъ^а жизни премѣны.

4

Что ся родитъ, умираетъ, в мире ничтоже вѣкуетъ.
 Случай и смѣрть осилаетъ, насъ какъ хощетъ потчиваетъ.
 Яко луны кругъ премѣнный колесомъ по небе ходитъ,
 Тако земли кругъ вселенный колесомъ премѣны бродитъ.

5

Ничто в мире вѣчно живѣт, вся по времени падаютъ.
 Хростъ траву скотъ выдептуетъ, ветры и кѣдры поваляютъ.
 Вѣзуви городамъ грозятъ, Аракс мосты понуряетъ.
 А на горы громъ ся срожитъ, розлѣш в низу потопляетъ.

л. 360 об.

6

Сама старость лесы грызѣт, несостарѣлыми зѣбы,
 Аще долгой вѣкъ что живѣт, крошитъ идельския дѣбы.
 Не руби ихъ топорами, аще хощешь да знищѣютъ.
 Вѣка секѣтся зубами, в себѣ кончину имѣютъ.

⁵ Книга премудрости Иисуса сына Сирахова, гл. 34, стихи 1—3 (в ркп. ошибочно 44).

^к Испр.; в ркп. Алебем. ^а Испр.; в ркп. значут.

7

Краткой жизни моток аки нить ся прерываёт.
 Не одному где начаток, тамо и конец бываёт.
 Яко беседу скончивши глаголи ми слово: рекл есмь,
 Тако век свой докончивши рци, человече: пожил есмь.

8

Всяка радость скоро гаснет, аще лестит обманчивъ.
 Тако явне показуёт иже суётна правдивъ.
 Мгненье ока пребывают любви вечно оскверняще,
 Едва тронешь, улѣтают радости души вредяще.

9

О, сны пуге, снов образы, безделье, привидѣния,
 Чювства покойным заразы, суётния мысления.
 Койми ни есть воробы, костянным в мир входите,
 Или роговыми псоты лобжь обману приносите.

10

В древнем веце мир ся славил седмикратными чудами,
 Иже стѣн рукою схватил, не почтет того с баснями.
 Всю роцъ и стѣны славишь, Семирадимо камене,
 Всю солнца столп возносишь, Роде, труды в том даремнѣ.

11

л. 361

Пирамида в Мемфим была, удивление хитрости,
 Яже на мило творила стѣн от своей высокости.
 Днесь з землею зравнялася стѣн намале престраняет.
 Мѣстем з грибем зверсталася, време вещи пременяет.

12

Храм Дианны славный велик, создан тысяще руками.
 Един бездельный висельник сожегл с своими воинами.
 Худым делом имя свое думал вечно прославити.
 Херост... (постой, перо мое,) нелеп его поминати.

13

Столпы медны еже набил в море Еркулес по Гады,
 Нептун веслом все заgrabил, потопили чуда воды.
 Мавсолея мраморовый гроб где ныне пребывает,
 И каменным век гробом намале спускает.

14

Идол дивный во сне явлен Новухудоносорови.
 Яко в росте есть убавлен, явственно есть разумови.
 Медь, железо, серебро, злато камень, с неба падши, скрошил.
 Осталася глина, блато, и то век давно разбросил.

15

Злату главу идолови меч сирейской прочь отрубил.
 В серебряне перси балванови грек копие остро забил.

Брѹх набѣтѣи мѣди толстоѣ грѣку рѣмляни вычѣстил,
Стѣл нѣ ноги вѣк желѣзной, злѣто, сребрѣ и мѣдь стрѣвил.

16

Смѣтри, какѣв сѣм Рѣм в лицѣ прѣтив дрѣвнии честнѣсти.
Посмѣтрит сѣ в Тѣбре рѣще, постыдѣтся премѣнности.
Чѣло желто, блѣдо лицѣ, румѣнца на нѣм не видѣть.
Пѣли столпѣ по улище, и стѣнѣх кѣвров не спрѣшѣть.

17

Вѣ дни отца Рѣмулюса нѣжно дитѣ сѣ казѣло,
Говѣрѣть за Ерѣнуса, за Камѣлля ростѣ стѣло.
Дѣвица Аннибѣлови, замѣжна сѣ показѣла,
Едѣвѣ не дѣна грѣкови, по отцу осирѣтѣла.

л. 361 об.

18

Но на свѣдѣбу Африкѣна грѣчѣна не извѣлила.
Крѣме землѣка лѣтина, женѣха не припустѣла.
Подѣвши бѣи велѣк емѣ с обнажѣнными грудѣми,
Оперлѣся насѣльному, слѣвна егѣ полонѣми.

19

Тогдѣ Братѣусь* с Катѣнами Рѣму бѣли прѣвителе,
Владѣючи нарѣдами, стѣтов рѣмских рачѣтеле.
А Цѣцѣрон сѣдѣ домѣ по приказѣх совѣтѣвал,
Не мѣчем, нижѣ рукѣма, язѣком сѣльно воевал.

20

Скѣро Акцѣ и Ромѣли снурѣк жѣзни розервѣлся.
Рѣм слугѣ егѣ смутѣли, господѣн рѣб сотворѣлся.
Всѣк Рѣмовѣ отчѣм бѣити однокѣнѣчно желѣет,
Прѣв и непрѣв покѣрѣти господѣство сѣбѣ дерзѣет.

21

От двѣ сторѣн брѣнь вѣстаѣт межѣдоусѣбна грѣжданѣв,
Сусѣд сусѣда ганѣет, воинских мнѣго прибѣров,
Под рѣвнѣми знѣменѣми трубѣ к бѣю голѣс даѣют,
Бѣютсѣ полкѣ с полкѣми, копѣем сѣ сокрушѣют.

22

Идѣт вѣстрѣчу зѣть свѣкрѣви, мѣчем сѣ прѣведѣвѣют,
За непрѣвду умрѣть гѣтѣви, но виннѣйшѣи побѣждаѣт.
Тѣко егдѣ мѣра чѣсти чѣсть мѣлую прѣделѣют,
Длѣ их гѣрдѣи упрѣмости полѣ в крѣви восплѣвѣют.

23

В том врѣмени обмирѣет Рѣм, тоскуѣт, стрѣсть сѣ бѣит,
Едѣвѣ в печѣли зѣвѣет, на ногѣх своих не стѣит,
Сѣстѣвы емѣ ослабѣли, крѣвь сѣ в жѣлах помутѣла,
Очи, руцѣ почѣрнѣли, смѣрть сѣ к нѣму приблѣжила.

л. 362

* Так в ркп.; следует Брутус.

24

В ко́нец трѣжды отчихает, яко скѣрбный мокрѣтою,
 Ох, ох, с плачем призывает, Аугусте, буди со мною.
 Здравствуй, живи, царю сла́вний, вручаю ти мир и себе,
 Те́м в ад выплюнь дух военный, ложно становится в небѣ.

25

Оскверни́л ся мертвецáми, могильник, Рѣм наречѣнный.
 Отчим Нѣро пожарами сожегъ он немилосѣрдный.
 Третья́ часть не осталá, с дымем пошла́ нова Троя́,
 Похороны злѣ приняла, не от царя, но злодѣя.

26

Какѡв днѣсь Рѣм, какъ здешевѣл, како́ разни от она́го,
 Чтѡ Волску землю звоевал, збил́ силу́ царствия греческаго.
 Нуманчикѡм зломал́ ро́ги, картагѣнчики победѣл,
 Ре́це Рену́ спутал но́ги, розлѣв Дуна́я усмирѣл.

27

Та́ко стра́шне рѣмлян си́лы, всем наро́дом ищезѡша.
 Егда́ вну́ки разорѣли, чтѡ отцѡве припасѡша.
 Ма́ло бы́ло дедѣцѡви всѣго ми́ра да́ни, збо́ры.
 Чтѡ осталѡ Нерѡнови, Аля́рик взя́л в го́тов двѡры.

28

Наслѣдники днѣсь рѣмляне и́щут дрѣвния́ честнѡсти.
 Врѡта твоѣи, о Троя́не, подгрѣзли зу́бы ста́рости.
 Падѣ стѡлп седмилесни́чный, Сѣвера милостѣваго.
 И двѡр Люку́лля столи́чный, не зна́ть валу́ Титова́го.

29

л. 362 об.

Уже́ стѡлы́ не потѣют бальсамѣмъ царя́ Нерѡна,
 Царѣй теплицѣ́ грязне́ют, вода́ с кáлом помешана́.
 В твоѣх ба́нях, " Антонѣне, гусятá ся полоска́ют.
 В твоѣй, Гибу́р, равни́не ко́зы ду́шных тра́в ню́хают.

30

Пока́зы дивовискъ зезды́ ° стро́и, злѡта́ бросáния.
 Борѣния лѡво́в с медвѣди, разлѣчныя игра́ния,
 Потѣшныя комѣ́дѣи с творца́ми и зрѣтелями,
 Вѣк премѣнил в трагѣ́диѣ, всѡ́ днѣсь лежа́т под нога́ми.

° Испр.; в ркп. баснех. ° Так в ркп.